

Ц печатается по изданию: "Сатирикон" и сатириконцы. М., 2000
 Ц <http://imwerden.de>. Некоммерческое электронное издание. 2007

Первый грех

На каком языке говорили в раю? Ты, верно, думаешь, что на русском... Я тоже так думал, когда был маленьким. Маленький француз, если спросишь его об этом, вынет палец изо рта и ответит: "Конечно, в раю говорили только по-французски!" Маленький немец не задумается: "По-немецки, как же иначе"... Но все это не так.

В раю говорили на райском языке. Люди его сейчас позабыли, а звери, может быть, помнят, да и то не все. Чудесный это был язык: в нем совсем не было ни бранных, ни злых слов. Понимали его не только Адам и Ева и жившие с ними в раю крылатые духи, но и звери, и птицы, и бессловесные рыбы (даже рыбы!), и пчелы, вечно перелетавшие с цветка на цветок, и качающиеся травы, и любая скромная ромашка, расцветавшая в тени райской ограды.

Вечерами травы шептали на лужайке под темнеющими пальмами:

-- Тишина... Засыпаем...

-- И мы... -- отвечали, кивая тяжелыми гроздьями, бананы.

-- Спать! Спать! -- гудели в воздухе райские золотые шмели, слетаясь на ночлег в дупло трехобхватного дуба, что рос у ручья возле тропинки к водопою.

-- А где тут трава помягче? -- бурчал неизменно каждый вечер грузный носорог, укладываясь среди колючего тростника на покой. Он тростник называл травой, и казался он ему мягче пуховой постели.

Звери даже во сне разговаривали. Мартышки визжали и хихикали -- они видели только смешные сны; сонная рысь, облизывая свесившуюся с дерева лапу, тихонько урчала: "Ах, какой большой сладкий финик"... А бегемоты, выставив из тины похожие на чемоданы морды, зевали, смотрели спросонья на встающую малиновую луну и фыркали:

-- Фу, какое сегодня мутное солнце.

И добрые все были -- удивительно. Комары никого не кусали, -- что они ели, я не знаю, но ни Адама, ни Еву, которые ходили без всякой одежды, ни один комар ни разу не укусил. Гиены не грызлись между собой, никого не задирали, сидели часами скромно под бананами и ждали, пока ветер не сбросит им тяжелую душистую вязку с плодами. Львы облизывали всех, кто к ним ни подходил, даже скверно пахнущих шакалов, -- ели траву, и так как наестся травой дело было не простое, то они, как быки и лошади, по целым дням не подымали морды от сочных стеблей, -- а проворные белки, которым и минуту трудно усидеть на месте, играя друг с другом, бегали взапуски по львиным спинам, как по мягким диванам.

Однажды на лужайке перед закатом звери вздумали играть в свою любимую игру: в лестницу. В гимназии мы тоже играли когда-то в такую игру и называли ее "пирамидой", но звери такого мудреного слова не знали.

Первым стал слон, скосил умные маленькие глаза в сторону и сказал в нос: "А ну-ка!"

Потом растопырил ноги, опустил голову, покачался и утвердился посреди лужайки тверже скалы. На слона взобрался, отдуваясь от одышки и осторожно выпуская когти (чтоб слону не было больно), толстый тигр, на тигра взлезла горилла, на гориллу медведь, на медведя пантера, на пантеру рысь, на рысь мартышка, на мартышку белка, на белку крыса, а на крысу -- мышь...

Играли в лестницу, как видишь, только такие звери, которые умели лазить. Остальные расселись вокруг всей лужайки, смотрели и веселились.

И вот слон осторожно поднял одну ногу, переставил, -- потом другую и пошел вдоль всей лужайки, солидно и тихо, словно кадку с мороженым нес на голове. Горилла ревела, рысь весело мяукала, крыса, задрвав хвост, пищала, как вырвавшийся из хлева поросенок, -- и только мышонок на самом вершине лестницы дрожал и крепко прижимался животом к крысе: у него кружилась голова.

Из зарослей кактусов на веселую игру смотрели кролики. Среди них один белый, любимый кролик Евы, -- а рядом, вытянув плоскую голову, притаилась огромная, жирная гадина-змея. Как она попала в рай? Переползла через ограду по крепкому плющу, или добрый архангел Михаил, стороживший райские врата, сделал вид, что не заметил ее, когда хитрая тварь проскользнула мимо него на заре, сверкая и блестя чешуей?.. Не знаю. Она одна никогда ни с кем не играла, таилась от всех и молча про-